

К 700-летнему юбилею преподобного Сергия Радонежского

Т.В. Смирнова

Свято-Троицкая Сергиева Лавра

**Троицкий собор**



Сергиев Посад

2012

**Смирнова Т.В.**

**Свято-Троицкая Сергиева Лавра**

**Троицкий собор.** – Сергиев Посад:

ООО «ВДВ “ПАК”», 2012. – 36 с.: фот.

86.372

С 50

ББК: 86.372

На титульном листе рис. М.П. Митурича-Хлебникова

Троицкий собор Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, самый древний каменный храм обители Преподобного Сергия Радонежского. В нем в серебряной раке покоятся святые мощи Преподобного. В книге рассказывается о строительстве храма, его архитектуре, иконостасе, стенописи храма; о вскрытии мощей в 1919 г., о волнениях крестьян, когда закрыли собор (1921 г.), о сокрытии главы Преподобного; о том, как в годы атеистической пропаганды, несмотря на противодействие властей, люди шли поклониться Святому. И о том, что и сейчас не иссякает к нему бесконечная людская река.

Копирайт Смирнова Т.В.

### *На пути к Преподобному*

Троицкий собор Лавры, хранящий мощи преподобного Сергия, воистину является главной святыней Русской земли. Тысячи людей каждый год стремятся побывать в нем. Из Москвы можно приехать в Сергиев посад на электропоезде или на автобусе. Если мы пойдем от вокзала к Троице-Сергиевой лавре пешком, то улица Сергиевская приведет нас к смотровой площадке. Оттуда открывается один из лучших видов на монастырь. Перед путником, как пред царевичем Гвидоном из пушкинской сказки, откроется

Чудный город со дворцом,  
Златоглавыми церквями,  
Теремами и садами.

Множество золотых глав, как пламя множества свечей, горящих к небу... Но где же Троицкий собор? Отсюда он почти не виден. Можно заметить слева лишь часть золотого купола с крестом. Спустимся вниз, пройдем мимо часовенки Пятницкого колодца, подземным переходом пересечем центральный проспект города и окажемся на Красногорской площади. В Красной башне – главные ворота Лавры. На стенах прохода написаны сцены из жизни преподобного Сергия. На них стоит задержать внимание. Но вот мы вышли из-под сводов. Пройдем прямо, по еловой аллее. Справа будет стена кажущегося еще больше, чем издали, Успенского собора, слева несколько могил с крестами и Духовская церковь. Впереди желтое здание Казначейского корпуса келий Лавры, построенное в XVIII веке. Выходим на центральную площадь Лавры. Справа высится колокольня. А слева – вот он – Троицкий собор!

Найдем место, откуда можно хорошо увидеть него. Лучше всего встать, немного не доходя сени над бассейном, где летом паломники берут святую воду. Перед нами собор с северной стороны. Частично мы видим и восточную сторону с тремя алтарными выступами – абсидами.

Вход в собор через пристроенную в XVI веке западную паперть. Там можно купить свечи. Из паперти через портал, украшенный орнаментальной росписью, пройдем внутрь. Перед нами – высокий пятиярусный иконостас, отделяющий алтарную часть храма от помещения для молящихся. Свет из узких окон, от свечей, разноцветных лампад... Но нет возможности хорошо рассмотреть верхние ряды иконостаса. К тому же сзади нас обычно много паломников, стремящихся подойти к раке с мощами Преподобного, так что придется пройти быстро. Однако мы сможем увидеть деисусный чин иконостаса и замечательно выполненную копию рублевской иконы «Троица». А потом приложиться к мощам Преподобного. Узнаем же подробнее о Троицком соборе и судьбе мощей святого.

### ***Строительство Троицкого собора***

В первой половине XIV века, на лесной поляне, на холме Маковец братья Стефан и Варфоломей, будущий великий святой Сергей Радонежский, построили маленькую деревянную церковь. Мы можем представить себе, какой она была. М.В. Нестеров в картине «Видение отроку Варфоломею» изобразил деревянную церквушку XIV века, какой, она могла быть. На Севере и до сих пор сохранилось несколько подобных церквей и часовен «клетского» типа, то есть сложенных из бревен, образующих квадратные в плане клетки. Завершалась такая постройка двускатной крышей с главкой или просто крестом. Когда монастырь разросся, построили церковь побольше, тоже деревянную. Татаро-монгольские войска во главе с Едигеем, уже после смерти Преподобного, в начале XV века, сожгли монастырь. На месте

сгоревшей в 1406 году выстроили новую деревянную церковь. Какими они были, эти храмы, мы не знаем.

Но вот в 1422 г. было решено возвести каменный храм. В то лето вслед за исключительно морозной зимой разразился страшный голод. Люди молили Преподобного о помощи, видя его заступником перед Богом. Собор был поставлен «в похвалу» святому. Построили его при ученике и преемнике преподобного игумена Никона на средства князя Юрия Звенигородского, сына Дмитрия Донского, крестника преподобного Сергия. Каменных сооружений в ту пору было немного. Выбор для строительства камня, а не дерева выражал особую признательность Преподобному. Ведь деревянное – бrenно, каменное – вечно. На века и поставили храм на том самом месте, где стояла когда-то первая церквушка, построенная будущим святым. А новую, недавно выстроенную, деревянную церковь переместили на несколько метров к востоку. Через полвека ее разобрали и поставили на ее месте Духовскую церковь (церковь сошествия Святого духа на апостолов). Сергей Радонежский был похоронен под деревянной церковью.

Когда рыли котлован под фундамент каменного храма, произошло обретение его мощей. Этот день – 18 июля – отмечается с тех пор – Летний Сергиев день.

Князь Дмитрий Донской заменил деревянные стены Кремля на стены из белого камня – известняка. Они не сохранились. Осталось только выражение «Москва белокаменная». А Троицкий собор, сложенный из того же известняка стоит уже без малого шесть веков. Стены делали слоеными: укладывали два ряда тесаных блоков на некотором расстоянии друг от друга, промежутки заполняли обломками того же известняка и булыжниками, заливали раствором извести.

Можно подумать: неужели русские люди не умели в то время делать кирпич? Причина в другом: такую технику кладки да и архитектуру церквей принесли еще в XII веке во Владимиро-Суздальское княжество галицкие мастера. Их призвал Переславль-Залесский князь Юрий Долгорукий,

известный нам как основатель Москвы. В окрестностях Галича, с которым князь был связан военным союзом, есть большие залежи известняка. Из него там и строили церкви. Откуда же взяли они привычный материал, когда добрались до Переславля? В очень давние времена на той территории, которая сейчас называется Подмосковьем, было море. Скелеты бесчисленных морских организмов падали на дно, спрессовывались, затвердевали и образовывали камень. Потом море ушло. И в разных местах обнаружилось слои известняка. Ученые определили, что, что храмы Владимиро-Суздальской Руси строили из камня, разработки которого велись на берегу реки Пахры, юго-восточнее нынешней Москвы, близ села Мячково. Потому его называют еще мячковским известняком. Именно там находят месторождения камня белого и прочного. И, хотя, путь до Переславля не близок – более 150 км. – из него-то и стали строить. Глыбы камня везли по рекам на лодках. А уже на месте тесали правильные блоки. И сейчас стоит в Переславле белокаменный Преображенский собор. Выстроили галичане и такие шедевры мирового зодчества как соборы во Владимире – Дмитровский и Успенский, и церковь Покрова на Нерли. Взглянув на них, мы увидим, что мастера использовали мягкость известняка, украсив стены церковей изумительной белокаменной резьбой.

А потом было татаро-монгольское нашествие. Строительство на Московской земле почти прекратилось более чем на сто лет. Только после Куликовской битвы, в конце XIV – начале XV века, оно возобновилось. Чуть раньше Троицкого собора были возведены по заказу князя Юрия Звенигородского белокаменные храмы в Звенигороде: Успенский собор на Городке, рядом с резиденцией князя, и собор в Саввино-Сторожевском монастыре. Как раз в под Звенигородом имеются залежи известняка, его и использовали. Но откуда брали камень для Троицкого собора? По остаткам микроскопических раковин оказалось возможным определить место его происхождения. Ученые, среди них был и геолог П.В. Флоренский, внук о. Павла Флоренского, выяснили, что добывали камень в карьере близ села

Мячкова, неподалеку от разработок XII века. Удобного водного пути до места строительства не было. Но, несмотря на трудности доставки – приходилось везти зимой на санях – не отказались от замысла: храм-памятник преподобному Сергию Радонежскому возвели из белого камня.

### *Архитектурный облик собора*

В Византии, откуда пошла русская православная культура, ценили прежде всего интерьер храма, а не его внешний вид. Русские люди придавали большое значение архитектурным формам церкви. Внутри церковь могла быть маленькой и тесной, но снаружи она должна быть хорошо видна, чтобы путник, идущий по дороге к храму, видел его издалека.

Надо заметить, что византийские церкви – снаружи темные, коричневатого цвета. А белокаменные храмы настолько полюбились русским людям, что когда перешли на строительство из кирпича, долгое время стены белили. Белизна воспринималась как символ чистоты церкви, подобно платью невесты. Такими белыми мы видим Успенский собор и Духовскую церковь в Лавре.

В постройках раннемосковского зодчества много общего с храмами XII века, то есть, церквями домонгольской эпохи. Они квадратные в плане, четырехстолпные. Из отличий больше всего заметно то, что у закомар килевидная форма, и что на стенах резной пояс. Закомары – это завершения стен, на которые опираются своды с покрытием. В XII веке их делали полукруглыми. Мы можем видеть такие у Успенского собора Лавры, хотя он построен позже, во второй половине XVI века. Он архаичен, потому что строили его по древним образцам. У храмов XV-го века закомары с заострением, так что они напоминают профиль перевернутой вверх дном лодки. Такова же и форма порталов, обрамляющих вход в собор. Князь Евгений Трубецкой считал, что эта зостренность закомар, как и

заостренность глав, говорит о могучем молитвенном подъеме храмов той эпохи.

Сравнительно мягкий, пористый камень, как уже сказано, хорошо поддается обработке. Переславский собор отличается суровой гладкостью стен. А храмы во Владимире имеют аркатурно-колончатый пояс (подобный можно увидеть в Лавре на стенах Успенского собора), и обильно украшены резьбой, изображающей и людей, и животных, и растения. Строители Троицкого собора отказались от нарядных узоров, подчеркнув аскетичность святого. Они только вырезали тройную ленту орнамента, проходящую почти посередине основного объема храма и поднимающуюся на восточной стене вверх, под кровли абсид. Есть предположение, что в этой резьбе мастера воссоздавали узор, сплетенный из веревки или полосок кожи.

В целом храм производит впечатление спокойной торжественности. Четкий, простой объем, кристаллическая ясность – к этому стремились зодчие той эпохи. Узкие щелевидные окна не мешают восприятию цельности храма. В Древней Руси, считали, что храм должен быть подобен Богу, а Бог создал человека по своему подобию. Вглядитесь в облик собора: перед нами стилизованный образ человека, богатыря: мощное туловище, перепоясанное посередине, над ним возвышается толстый барабан (раньше говорили – «шея»), заканчивается храм главой со шлемовидным покрытием. Он полон скрытой, потенциальной энергии. Только заостренность закомар и портала говорит о внутреннем молитвенном горении.

Попытаемся представить себе, какое впечатление производил собор в XV веке. Гармонировал ли он с окружающей средой, с природой? Нет, конечно, нет. Он стоял, «яко камень», белый, цельный среди потемневших от дождя бревенчатых келий. Пусть не было золотого купола – главу вначале покрыли лемехом – тонкими осиновыми дощечками, плотно, как чешуя, прилежавшими друг к другу. Но осина от дождя в чистом воздухе становится серебристо-серой, отражает цвет неба: на заре – розовая, в ясный день – серебристо-голубая, а когда солнце в зените, – золотистая.



В те времена кругом монастыря стояли глухие леса, в них жили медведи, волки, бродили лихие люди. Человек отвоевывал у леса землю, выкорчевывал деревья, возделывал поля. Стоило только на несколько лет забросить землю, как лес переходил в наступление, и поле зарастало снова, голодные волки подходили к селению, резали скот. И вот этой страшной тогда природе, человеческим распрям, войнам, тяготам жизни противостоял Троицкий храм.

Казалось бы: далеко мы ушли от тех времен. Теперь природа сама нуждается в защите. Так что же тысячи и тысячи людей стремятся попасть в Троицкий собор, к мощам преподобного Сергия? Мир, окружающий нас, и сейчас полон опасностей и зла. Сергей «поставил собор Святой Троицы в лесной пустыне, где были волки. Он молился, чтобы этот зверообразный, разделенный ненавистью мир преисполнился той любовью, которая царствует в предвечном совете Живоначальной Троицы» (Е.Н. Трубецкой). И, глядя на Троицкий собор, люди видели, что существует иной, горний мир.

Но шло время, и собор стали делать пристройки. В XVI веке над гробницей преподобного Никона, ученика Сергия и его преемника, поставили вплотную к южной стене Троицкого собора одноглавую Никоновскую церковь, у западной стены выстроили паперть, по повелению царя Василия III верх обили железом, а при Иване Грозном позолотили главу. В XVIII веке позакомарное покрытие заменили четырехскатным, сделали паперть с северной стороны. Растесали окна. Стены снаружи расписали под мрамор (XVIII век), а в начале XX века оклеили холстом и написали на нем иконы. «Досадливое чувство испытываешь, когдаходишь к Троицкому собору, – писал в 1919 году архитектор В.Е. Бондаренко, возглавлявший Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. – Застроен бесстильной грудой всяких папертей и тамбуров этот первый каменный храм монастыря, и покрыта белокаменная поверхность собора густым слоем штукатурки, а безвкусию плохого живописца дополняет гнетущее впечатление от росписи как алтарных абсид, так и всех его

наружных стен; с большим трудом глаз восстанавливает былой архитектурный облик этого храма».

Несмотря на все трудности первых послереволюционных лет, Сергиевский историко-художественный музей организовал первые реставрационные работы: под руководством архитектора Д.П. Сухова была разобрана северная пристройка к собору, восстановлены формы нескольких окон, снят холст с белокаменных стен (1925 год). Летом 1941 года в Лавре были проведены маскировочные работы. Золотые купола покрыли серой краской, а купол Троицкого собора закрыли чехлом из мешковины. Его сшил и надел студент Академии художеств, В. Потоцкий, находившийся на практике. Вскоре он погиб в бою. В 1966 году под руководством архитектора В.И. Балдина было восстановлено и позолочено позакомарное покрытие собора.

### *Иконостас собора*

Иконостас с простыми и строгими тяблами создан в XV веке. Иконы для него написаны знаменитыми мастерами Андреем Рублевым и Даниилом Черным или под их руководством. Только верхний, шестой, ярус был сделан в 1600 году по вкладу Бориса Годунова, да в самом нижнем (местном) ряду есть несколько более поздних икон.

Освещение в соборе не позволяет снизу рассмотреть все иконы, к тому же небольшие многофигурные изображения среднего яруса – праздничного – находятся довольно высоко. Во втором ярусе – деисусный чин. Деисус по-гречески – моление. В центре ряда икона с изображением Иисуса Христа – «Спас в силах». Здесь Он – Царь Царей и грозный Судия. К нему с обеих сторон приближаются в едином ритме фигуры молящихся, написанные в полный рост. Они четко выделяются на золотом фоне. Их головы склонены, к Нему простерты руки. Богородица, Иоанн Предтеча, архангелы, апостолы обращаются к сыну Божьему за милосердием, умоляя простить людям их грехи.

В нижнем ряду справа от Царских врат – самая знаменитая икона Андрея Рублева «Троица». Точнее – ее копия, написанная в конце 1920-х годов. Подлинная икона с 1928 г. находится в Третьяковской галерее. В ней зримо воплощена духовная сущность учения преподобного Сергия. Икона написана на библейский сюжет: к Аврааму явились три путника. На иконе Андрея Рублева они изображены в виде ангелов, олицетворявших три ипостаси Бога: Бога-отца, Бога-Сына и Бога-Святого Духа. Ипостаси Бога нераздельны и в то же время неслиянны. Тайна Троицы непостижима умом человеческим. Но вот мы видим на иконе трех ангелов, сидящих за столом. Их лица задумчивы, головы немного склонены. Они так едины, что им просто не надо слов. И вглядевшись, человек проникается ощущением того, что существует иной, горний мир, полный любви и гармонии. Свежесть красок, «близких к краскам троице-сергиевских полевых и луговых цветов в июне», как писал Ю.А. Олсуфьев – дают ощущение тихой радости и чистоты.

Древние иконы дошли до XX века сильно потемневшими, порой до такой степени, что нельзя было даже различить сюжет. Видя, что икона почернела, ее записывали, часто по несколько раз. Только благодаря реставраторам, снявшим верхние слои краски и потемневшую олифу, люди открыли древнерусскую живопись. Начата реставрация икон Троицкого собора была в 1919 году, в дальнейшем их расчищал и реставрировал художник-реставратор Н.А. Баранов (1924–1930, 1944–1949 годы). Икону Рублева «Троицу, расчистил еще в 1904–1905 годах В.П. Гурьянов, а в 1918–1919 годах ее реставрация была продолжена. То, насколько темнела икона всего за каких-нибудь сто лет, мы можем увидеть, посмотрев на икону «Троица», которая находится в нижнем ярусе иконостаса от Царских врат после иконы Богоматери «Одигитрия» (вторая слева). Это копия с «Троицы Рублева, написанная в XVI веке и тоже расчищенная. Художник написал ее гораздо более темными красками, потому что копировал образец, находившийся под уже потемневшей олифой.

Вначале наиболее чтимые иконы закрывали драгоценными окладами. Потом это вошло в обычай. Сами по себе оклады являются часто замечательными образцами прикладного искусства, но живопись оказалась скрытой под ними. В большинстве случаев реставраторы снимают их с древних икон. Так, с иконы «Троица» были сняты венцы цаты – золотые с драгоценными камнями подвески в виде полумесяцев – вклад царя Ивана Грозного. Снят и закрывавший ее золотой оклад царя Бориса Годунова. Они находятся в Ризнице Лавры, которая является филиалом Сергиевского государственного историко-художественного музея-заповедника (рядом с Троицким собором).

Подлинная рублевская икона с 1928 года находится в Москве, в Государственной Третьяковской галерее. И мы имеем уникальный случай рассмотреть там икону в ярком свете, в тишине музейного зала и увидеть ее точную копию, выполненную художником-реставратором Н.А. Барановым, в храме, в том освещении, в той обстановке, для которых она предназначалась. При этом стоит помнить слова графа Ю.А. Олсуфьева, одного из создателей музея в Лавре: «Трепетно, как к чудесному, как к стоящему вне нашей обыденной повседневной жизни, следует подходить к древней русской иконописи. Только при таком отношении, вы сможете к ней приблизиться, только с таким благоговейным чувством вы сможете услышать ее вещий голос...».

Высший уровень русской иконописи был достигнут в XV веке. «Именно этому золотому веку искусства было суждено запечатлеть духовную сущность Сергия» (Ю.А. Олсуфьев).

### ***Стенопись собора***

В первоначальной росписи стен собора участвовал Андрей Рублев. Они были покрыты фресками, то есть живописью по сырой штукатурке. Но в 1635 году, когда монастырь восстанавливался после Смутного времени и

шли большие строительные работы, сочли, что роспись стен Троицкого собора обветшала. Большую часть фресок сбили и написали новые. Потом еще несколько раз на протяжении XVIII–XIX веков живопись возобновляли, с каждым разом все реже вспоминая о старых достижениях. А в начале XX века стены расписали масляными красками. Эта живопись не представляла никакой художественной ценности. Знаменитый искусствовед И.Э. Грабарь предполагал, что могли сохраниться фрагменты фресок XV века. И в 1949–1952 годах на средства Патриархии были проведены реставрационные работы. Они проводились под наблюдением комиссии, в которую входили известные ученые под председательством И.Э. Грабаря. Непосредственным руководителем был назначен П.И. Нерадовский, художник и искусствовед, много лет проработавший в Русском музее. Исполнителями стали 40 художников-реставраторов. Со стороны Патриархии повседневное наблюдение за ходом работ осуществлял реставратор П. А. Голубцов (впоследствии архиепископ Новгородский и Старорусский Сергей). Были сняты верхние слои живописи и укреплена штукатурка.

Но в процессе работы выяснилось, что фрески Андрея Рублева не сохранились. Самая древняя живопись 1635 года, и она уцелела лишь частично. Комиссия приняла решение дополнить эти фрагменты. Выработали методику осуществления доделок. Находили аналоги композиций, которые решено было дописывать. На картоне художники выполняли композиции в цвете. Все картоны принимала комиссия. Затем на новом грунте делали роспись, ее снова обсуждала и утверждала комиссия. При необходимости художник-реставратор вносил исправления. В результате стенопись производит целостное впечатление, а в сочетании с рублевским иконостасом воссоздает замечательный древний интерьер собора.

Заметим, что находящиеся сейчас в соборе Царские врата того же времени, что и стенопись: это вклад царя Михаила Федоровича (1643 год). Чеканные серебряные украшения их полей и столбцов мерцают в свете свечей и лампад.

Иконы и драгоценные произведения церковного искусства – шитье, предметы из золота и серебра, дерева и перламутра, в том числе и те, которые ранее находились в Троицком соборе: первые Царские врата собора XV века, иконы «Явление Богоматери преподобному Сергию» и «Сергий в житии» XVI века, шитый покров на гроб Преподобного XV века золотой оклад с иконы «Троица» Андрея Рублева XVI–XVIII веков и многое другое можно увидеть в Ризнице Лавры. Ныне это филиал Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника, генеральным директором которого является наместник Троице-Сергиевой лавры архиепископ Феогност.

### ***Мощи преподобного Сергия***

Мощи Преподобного покоятся у западной стены собора в серебряной гробнице – раке, изготовленной в царствование Ивана Грозного. Переложение мощей в раку совершилось уже при царе Федоре Иоанновиче в 1585 году. А на деревянной доске гроба Преподобного была написана келарем монастыря Евстафием Головкиным икона «Явление Богоматери преподобному Сергию». Эту икону брали в военные походы цари Алексей Михайлович и Петр I. Над ракой с мощами в XVIII веке в царствование Анны Иоанновны была установлена серебряная сень.

Первый раз мощи покинули Лавру в XVIII веке во время сильного пожара. Место на Красногорской площади, куда они были вынесены, отмечено часовней.

### ***Вскрытие мощей***

С осени 1918 года по всей стране началась кампания по вскрытию мощей в православных монастырях и церквях. Власти рассчитывали вызвать в народе недоверие к Церкви. Вскоре появились слухи, что такая участь ждет мощи преподобного Сергия. Несмотря на многочисленные ходатайства верующих и протесты Патриарха Тихона, оно было произведено 11 апреля

1919 года. Власти рассчитывали, что благодаря довольно распространенному мнению о нетленности останков как свидетельстве их святости, обнаружение скелета будет содействовать успеху антирелигиозной пропаганды. Вот как описывала вскрытие мощей княгиня Н. В. Урусова: «С утра на площади перед оградой Лавры, где покоились мощи, стал в массе собираться народ... Ворота были заперты, из всех бойниц в стене выглядывали пулеметы. День был холодный, но мысли уйти не было ни у меня, ни у детей, даже у маленького пятилетнего Андрюши, совсем сознательно относившегося к происходящему. Трогательно было! Поочередно весь день духовенство служило молебны, а в промежутках общим хором пели “Да воскреснет Бог!”»

Молитвы, просьбы, надежды с простираем рук, рыдания и истерические вопли не могли сдержать своего отчаяния от мысли расстаться такого чтимого и любимого Чудотворца, и сознание того, что за стеной темные силы дерзко касаются святыни, – все это производило неизгладимое, потрясающее впечатление». На следующий день Урусова вошла в собор. «Вспоминать страшно, ведь это были еще первые проявления бесовских кощунств и хулений в Божьих храмах. Смех, приплясыванье, песни наполнявших храм комсомольцев и молодежи из Союза безбожников и тут же заглушенные рыдания верующих, прикладывавшихся к раке. Все было разорено, но как было прежде, так, несмотря на все творимые безобразия, у мощей стоял старый монах и читал вслух. В открытом почернелом гробу лежал череп с сохранившимися рыжеватыми волосами и целыми зубами обеих челюстей. Кости разбросаны, как попало, в гробу. Для тех, кто ожидал увидеть нетленное тело, это было разочарованием, но для того, кто понимает и знает, что такое мощи, это не играло роли, и каждая отдельная косточка была живой Святыней...

На другой день граф Олсуфьев и другие выхлопотали у властей разрешение пригласить врача-анатома, который сложил в природном порядке

скелет, и покрыли стеклянной крышкой, так как некоторые брали кусочки к себе домой как великую святыню».

О. Павел Флоренский вспоминал: «Я вошел в Троицкий собор уже поздною ночью, значительно позже, уже после того, как было произведено вскрытие. В соборе стоял едкий дым от магниевых вспышек, при которых производилась фотографическая съемка. Но, несмотря на этот сильно пахнущий воздух, порою какими-то дуновениями приносило от раки на несколько саженей расстояния волны неизъяснимого благоухания, которое перебивало все прочие запахи. Это благоухание охватывало величественной радостью... Прикладываясь к мощам, я убедился, что благоухание исходило именно из раки, и было тут несравненно сильнее, чем в стороне. С чем сравнить его – затрудняюсь, так оно тонко и своеобразно... Отдаленное сходство можно, пожалуй, находить в нем с запахом настоящей горной фиалки, но тоньше и подвижнее его; еще точнее можно представить себе это благоухание раки преподобного Сергия, если припомнить приносимый издали теплым ветром аромат цветущей виноградной лозы».

А вот как описал день вскрытия мощей Преподобного С.А. Волков, в ту пору студент Московской Духовной академии. «Ключи от всех церквей и колоколен в городе были изъяты властями, поскольку те боялись набатного всполоха, а вокруг церквей были расставлены караулы из красноармейцев и чекистов с подсумками боевых патронов, чтобы, если произойдет волнение, стрелять в народ. Действительно, едва лишь молнией по городу пронеслась весть, что ворота в Лавре запирают, – а это могло означать только вскрытие мощей Преподобного, которого уже с неделю ждали, – множество людей со всех концов города кинулось на площадь. К шести часам вечера вся площадь была запружена народом, и многие, особенно женщины, стремились прорваться в Лавру. Кто-то предлагал вооружиться кольями и бревнами, чтобы выломать Успенские ворота, которые были не чугунными, как Святые, а деревянными, но их охраняли красноармейцы и курсанты.



Ворота все же пришлось приоткрыть, когда прибыли грузовики с электрооборудованием и киноаппаратами для съемки, этим моментом воспользовались рвавшиеся в Лавру. Они бросились на цепи красноармейцев. Поднявшись на дыбы, лошади ржали, женщины кричали, но не отступали, кто-то из военных стрелял в воздух, однако смять заслон не удалось, и ворота опять захлопнулись...

На следующий день я проснулся от громового звона всех лаврских колоколов. Звонили полиелейным звоном как в самые большие праздники. Наспех одевшись, я поспешил в Лавру.

От небольшой часовни, стоящей на площади возле Красных торговых рядов, до самого Троицкого собора в четыре человека тянулась очередь желающих приложиться к мощам и впервые в жизни взглянуть на них. Люди шли медленно, и когда я приблизился к собору, войти в него, казалось, нет никакой возможности. Два лаврских монаха, отец Диомид и кто-то еще, провели меня через южный вход возле Серапионовской палаты и поставили на место, обычно занимаемое при мощах дежурным иеромонахом. Отсюда было все хорошо видно.

В соборе горели все паникадила. На огромном подсвечнике перед ракой пылало неугасимое пламя: сгоревшие свечи непрерывно заменялись новыми. Отец Вассиан говорил о мученичестве Преподобного с воодушевлением и силой, и в толпе то тут, то там раздавались плач и рыдания. Потом начался молебен Сергию...

По окончании молебна доступ к мощам преподобного Сергия был открыт, и к раке снова потянулась вереница людей. Многие из верующих, прикладываясь, закрывали глаза, чтобы, как объясняли мне потом, “не оскорбить своими грешными взглядами наготу Преподобного”. Подошел и я...

Испытывая невыразимое волнение, я приложился к черепу Преподобного и ощутил слабое, но отчетливо проступавшее благоухание розового масла, которое, по-видимому, перешло на кости с обвивающих

покровов... Для меня прикосновение к черепу преподобного Сергия было как бы прикосновением к нему самому, который продолжал жить во мне и во всех нас, прибегающих к его помощи и защите».

То, что нагота мощей смущала верующих, видно и из воспоминаний О.Н. Трубецкой: «В начале июля (1919 года) вскоре после вскрытия мощей преподобного Сергия, собралась я в Сергиев Посад. С щемящей тоской тянуло туда. Стечение богомольцев было необычайное, и лаврские монахи говорили, что не помнят такого наплыва народа, несмотря на то, что покос в деревне был всюду в полном разгаре.

Мощи Преподобного, ничем не прикрытые, лежали под большим стеклом. Виден был вполне сохранившийся костяной состав, и на голове – волосы и борода. Почти все богомольцы подходили с букетами и цветами и, явно желая прикрыть ими обнаженные мощи, разбрасывали цветы по стеклу, что затрудняло монаха, или, как говорили, коммуниста в рясе, сметавшего их на пол, откуда, по мере накопления, их ворохами выносили из церкви...

Обедня отошла, и, приложившись к раке с мощами святого Сергия, я как бы вошла в русло потока, вытекавшего из церкви, и благополучно выбралась наружу. Толпа была безмолвная, лица сумрачные и сосредоточенные. Казалось, всех за сердце сосет одна дума: “До чего дожили!.. И какое наглое и безумное кощунство и надругательство!..”».

20 апреля 1920 года был подписан декрет об обращении в музей историко-художественных ценностей Лавры. Троицкий собор перешел в ведение Наркомата просвещения, которому подчинялась Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, занимавшаяся созданием музея. Собор оставался открытым. И в Троицу 1919 года в нем служил Патриарх Тихон. Туда в тот день было не пробиться.

А в августе 1919 года Наркомат юстиции прислал в Сергиевский исполком письмо с требованием ликвидации Лавры как монастыря. В ночь со 2 на 3 ноября 1919 года монашеская братия была выселена. Тут же возникло предложение перенести мощи Преподобного в один из московских музеев.

Вопрос обсуждался на заседании Сергиево-Посадского совета депутатов. Проверивший жалобу верующих главный юрисконсульт Рабоче-крестьянской инспекции Н.Ф. Тераевич, писал, что жители города и окрестных деревень, «опасаясь поругания своей святыни и видя угрозу самому существованию ее, стали собираться толпами к зданию Совдепа, и негодование, волнение толпы доходило тут до того, что народ пришлось разгонять холостыми выстрелами. Следует отметить, что в глазах верующих мощи преподобного Сергия заслуживают особого почитания, так как, стекаясь к гробнице его, народ русский черпал нравственные силы в борьбе против татар и страшные годы лихолетья. Благодаря этому останки преподобного Сергия стали для русских драгоценной народной святыней, овеянной историческими воспоминаниями».

Узнав о предполагаемом изъятии мощей, Патриарх Тихон обратился к В.И. Ленину с просьбой о приостановлении их вывоза». Но Сергиевский райком коммунистической партии и Сергиевский исполком настаивали на изъятии мощей из Лавры. Особенно усердствовал некий М. Галкин, в прошлом священник, ставший экспертом VIII отдела Наркомата юстиции.

### ***Требования крестьян открыть собор***

7 мая 1920 года, Сергиевский исполком своей властью запер и опечатал Троицкий собор, несмотря на то, что он, «являющийся редким памятником архитектуры XV века, вместе с внутренней росписью и иконостасом» был передан в ведение Наркомата просвещения для музейных целей. Некоторое время даже члены Комиссии по охране памятников искусства и старины Лавры могли входить в собор только по особым пропускам. Патриарх Тихон снова обратился к Ленину с просьбой, чтобы Троицкий собор был оставлен для религиозного почитания преподобного Сергия. Верующие также обращались с просьбами об открытии собора в Сергиевский исполком и к председателю ВЦИК М.И. Калинину. Разрешение было дано только на

троицкие праздники 1920 года. Историк Ю.В. Готье, приехавший из Москвы, сделал в дневнике такие записи в 1920 году: «2 июня. Лавра закрытая и поруганная производит тяжелое и грустное впечатление. У соборов, которые были распечатаны только на Троицын день, стоят хулиганы с ружьями и стерегут печати. В часы служб на Троицу производилась продажа антирелигиозной и антицерковной литературы.

3 июня. В Духов день в Сергиевом Посаде было возмущение, когда хотели запечатывать вновь собор».

Последнее богослужение в Троицком соборе происходило в Сергиев день 17–18 июля 1920 года. В сентябре того же года Патриарх Тихон обратился к верующим с Посланием в связи с закрытием гражданскими властями Свято-Троицкой лавры. Оно заканчивалось словами: «Наш знаменитый историк Ключевский, говоря о преподобном Сергии и значении его и основанной им Лавры, предвещал: “Ворота Лавры Преподобного затворятся, и лампы погаснут над гробницей только тогда, когда мы растратим без остатка весь духовный нравственный запас, завещанный нам нашими великими строителями Земли Русской, как преподобный Сергий”

Ныне закрываются ворота Лавры и гаснут в ней лампы... Очистим же сердце наше покаянием и молитвами и будем молить Преподобного, дабы не покидал он Лавры своей...».

Но крестьяне окрестных сел и деревень не сдались. Если раньше их возмущение действиями властей было стихийным, то в 1921 году оно приняло другие формы. Был голод, разруха, обнищание народа. И люди хотели найти заступничества перед Богом у Преподобного. И в июне 1921 года сельские жители Сергиевского уезда и примерно половины уезда Александровского организовано выступили с просьбой открыть Троицкий собор. Они обратились в Сергиевский уездный исполком, выбрав уполномоченных-ходовиков из числа деревенских жителей. Эти уполномоченные (более ста человек) собрались в Сергиеве в определенный день и час и в свою очередь выбрали пять человек для ходатайства перед

местной и центральной властью. Те подали заявление во ВЦИК. Однако получили отказ.

Власти сочли инцидент исчерпанным. Но они рано успокоились. В сентябре того же года снова сотни деревенских жителей собрались на сельские сходы и выбрали представителей с мандатами. Мандаты были заверены подписями председателей сельсоветов и печатями. В этот раз на месте сбора делегатов уже поджидали – был донос о намечающемся новом собрании. Выяснилось, что действовали крестьяне, получив на базаре листовки («летучки»). На допросах у арестованных добивались: от кого получил «летучку», то есть листовку. По цепочке дошли до Сергея Никитича Игнатьева, жителя деревни Псареве. Но он оказался крепким орешком и, несмотря на очные ставки, все отрицал.

На сходе жители его родной деревни просили отдать арестованного им на поруки, но им отказали. Игнатьев был приговорен к высылке на Север, но вскоре попал под амнистию. Дальнейшая его судьба неизвестна. Реабилитирован он в 2002 году.

Видно, что крестьяне тогда еще не были запуганы. Об этом свидетельствует уже то, что, хотя с самого начала новая власть проводила антирелигиозную политику, люди собирались и подписывали просьбы о доступе к мощам Преподобного. А председатели сельсоветов простодушно удостоверяли эти просьбы и мандаты уполномоченных. И не успокоились крестьяне после первого отказа, а обращались на самый верх, к Калинин. Очевидно, тогда, в 1921 году, они еще верили, что пришла власть рабочих и крестьян, и не опасались репрессий.

### *Судьба мощей Преподобного (1929–1948 гг.)*

В 1929 году Сергиевский историко-художественный музей был превращен в антирелигиозный. Раку с мощами переместили из Троицкого собора в Никоновский придел. Она стояла посередине помещения, и

посетители музея обходили ее кругом. Таким образом, мощи Преподобного стали одним из экспонатов музея.

Летом 1941 года главные ценности музея, в том числе рака с мощами, были отправлены в эвакуацию в город Соликамск. Вернулись они из эвакуации в ноябре 1944 года. И их вначале снова поместили в Никоновский придел. Но, так как во время Великой Отечественной войны антирелигиозная пропаганда стихла, было разрешено Правительством поместить мощи на свое место в Троицком соборе, облачив их в схимническое одеяние. Храмы Троице-Сергиевой лавры передавали Патриархии постепенно. Когда в 1946 году был передан Успенский собор, в него переместили раку с мощами, так как Троицкий находился тогда еще в ведении музея. Он был возвращен монастырю в 1948 году. Тогда мощи Преподобного и были помещены на том месте, где они находились в течение пяти веков.

### *Сокрытие главы преподобного Сергия*

Рассказ о судьбе мощей Преподобного будет неполным, если не сказать о сокрытии его главы. Члены Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры граф Ю.А. Олсуфьев и о. Павел Флоренский, опасаясь уничтожения мощей или вывоза их в московский музей, решились изъять главу Преподобного. Они заменили ее главой одного из князей Трубецких. Произошло это либо вскоре после вскрытия мощей, либо, что вероятнее, когда нависла угроза вывоза их. (Захоронения Трубецких, скончавшихся в XVII веке, находятся под западным притвором Троицкого собора. Надгробные плиты с надписями вмурованы в стену). Глава сначала находилась в доме графа Олсуфьева на Вальной улице. Когда в мае 1928 года начались аресты, Олсуфьев с женой спешно покинули город. Главу закопали в саду. Потом ее перепрятывали в разных местах. Участвовали в этом, кроме жены и племянницы Олсуфьева, П.А. Голубцов и иеросхимонах Иларион (Удодов).

Изъятие мощей Преподобного из Лавры так и не состоялось. Но у Олсуфьева и Флоренского, видимо, уже не представилось возможности вернуть главу. Возвращение произошло только после окончания Великой Отечественной войны, видимо, в 1946 году. А глава Трубецкого захоронена возле восточной стены Духовской церкви.

### *Поклонение Преподобному в годы атеистической пропаганды*

В годы хрущевской оттепели началась новая антирелигиозная кампания. По Церкви был нанесен ряд мощных ударов. Одним из них было постановление Центрального комитета партии «О мерах прекращения паломничества к так называемым святым местам», принятое в ноябре 1958 года. Однако это не ослабило потока людей, стремившихся поклониться мощам Преподобного. Яркие впечатления от поездок в Лавру в 1960-е годы есть в дневниках Анастасии Дуровой, ребенком увезенной из России в эмиграцию и вернувшейся в Москву для работы во Французском посольстве. Первый раз она побывала в Загорске в одно из декабрьских воскресений 1964 года. Ее поразили убогий вид города. Но вот она вошла в Троицкий собор. «В этой маленькой темной церкви, в колеблющемся свете бесчисленных свечей, толпы паломников проходят поклониться мощам преподобного Сергия. Плотная бесконечная людская река не иссякает с 5 утра до 10 вечера. Неустанно читаются молитвы и прошения к великому святому Земли Русской. Станный речитатив на однообразный и завораживающий напев. Здесь люди всех сословий, но больше всего бедных, бедных в полном и прямом смысле слова. Их лица отражают душевное спокойствие, просветленность и чистоту души, уверенность, которую придает им молитва: «Радуйся, преподобие Сергие, служителю Бога живаго!»

Пройдя сквозь страдания, богооставленность и презрение окружающих, эти несчастные находят в этом святом месте тихую мирную

гавань, которую так искала их душа. И правда в этой молитвенной атмосфере перестаешь чувствовать свое тело и не замечаешь ни времени, ни усталости. Как трудно вырвать себя из этого созерцания, как больно снова погрузиться в серую действительность, которая заставляет страдать и больно ранит!».

Через полгода Дурова побывала в Лавре в летний Сергиев день. Вышло так, что приехала она только вечером и впервые оказалась в монастыре ночью. В те времена у паломников не было ни малейшей возможности остановиться в гостинице. И прибывшие накануне праздника, ночевали прямо в церквях. «Мне кажется, я никогда не видела ничего подобного. На западе небо еще совсем светлое, облака развеялись, и робко зажигались звезды. Влажный воздух пахнет липой и цветами. В садах и во дворах Лавры царит необыкновенное оживление. Женщины в белых платочках, мужчины в поношенной одежде с палками в руках, молодежь, привлеченная таинственными службами. Все ходят туда-сюда под сводами старинных укреплений. Женщины крестятся и целуют фрески с изображением преподобного Сергия.

Я снова пошла в Успенский собор. Паломники окончательно устроились на ночлег. Одни уже спят, примостившись к стене храма, другие ужинают. Пахнет черным хлебом и огурцами...

В саду паломники разбились на группы. Люди сидят на скамейках и надгробиях, едят, пьют, обмениваются впечатлениями. В другой церкви спящие на полу люди выглядят еще более впечатляюще. Лучшие места занимают дети. Люди устроились, как могли, на газетах и плащах, положив под голову руку или сумку с провизией. Центральная аллея свободна. По ней идут поклониться образу святого Сергия, перед которым горит целый куст свечей. Несколько человек поют литании, и все подхватывают припев. Аромат ладана перебивает запахи толпы. Молодая женщина в черном поет сильным и твердым голосом молитвы преподобному Сергию, следя за текстом по маленькой записной книжке. Она учит им нескольких женщин, которые образуют вокруг нее тесный кружок.



В семь утра во дворе Лавры уже царит оживление. Незабываемое зрелище! Это глубинная Россия, Россия вечная, что молится «отцу Сергию», защитнику Земли Русской. Первую литургию служили в пять утра, семичасовая служба уже началась, и теперь ждут 10 часов, когда литургию будут служить сразу в трех храмах Лавры. Патриарх Алексей будет служить в Троицком соборе у раки святого. У церкви стоит стометровая очередь. Все ждут, когда придет их черед приложиться к мощам.

В десять часов зазвонили во все колокола. Сначала зазвучал большой колокол, потом раздался праздничный трезвон. Святейшему сослужат два епископа, двадцать священников и четыре диакона. Хор просто великолепен. Храм полон. Народу собралось больше, чем на Пасху. После службы икону святого перенесли к чудотворному источнику. Считается, что именно на этом месте стояла первая келья основателя монастыря. Толпа нас буквально вынесла из церкви. Площадь черна от народа. Люди облепили ступени, перила и даже деревья. Клир поет молебен перед иконой. Когда запели величание, снова зазвонили колокола, и перезвон продолжался до бесконечности». Совершенно особенную благодать, каждый раз проникавшую в нее во время молитвы в Троицком соборе, отметила Дурова.

Знаменитый историк В.О. Ключевский, может быть, предвидя грядущие перемены, писал: «Творя память преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота Лавры преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его».

И сейчас мы понимаем, что не был растрочен нравственный запас, несмотря на все усилия властей разрушить у народа веру в Бога, преградить путь к великому русскому святому преподобному Сергию Радонежскому.

Со временем не иссякла любовь к обители. Множество людей приезжает в Лавру и сейчас. Богомольцы часами готовы стоять в очереди,

чтобы на мгновение приложиться к мощам Преподобного и прошептать молитву о помощи, зная, что она будет услышана.

Если выйдя из храма, отойти в сторону колокольни и окинуть собор взором еще раз, то спокойный, монументальный, будто высеченный из единого камня образ этого храма запечатлется в памяти. А на обратном пути, со смотровой площадки, – оглянуться на монастырь, прощаясь, найти взглядом золотой куполок Троицкого собора – сердца Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. И так захочется приехать сюда снова.

***В Троицком соборе ежедневно совершаются богослужения***

– Божественная литургия (начало в 6 час. 30 мин.,  
кроме будних дней Великого поста

– Молебны с акафистом преподобному Сергию у раки с его святыми  
мощами (с 5 час. 30 мин. до 20 час. 30 мин.),

**а также другие богослужения.**

***Использованная литература***

*Андроник (Трубачев)*, игумен. Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 годах. М., 2008.

*Балдин В.* Загорск. М., 1984.

*Викторов А.М., Звягинцев Л.И.* Белый камень. М., 1981.

*Волков Сергей.* Возле монастырских стен. М., 2000.

*Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1961. Т. I.

*Дурова Анастасия.* Россия – очищение огнем. Из дневника христианки. Москва. 1964–1977. *Свиньина Евгения.* Письма внучке. Петроград-Ленинград-Париж. 1922–1930. М., 1999.

*Нерадовский П.И.* Реставрация древней стенописи Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры // Памятники культуры. Исследование и реставрация. М., 1960. Вып. 2.

*Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. М., 1970.

*Смирнова Т.В.* Из прошлого Сергиевской земли. Сергиев Посад, 2011.

Троице-Сергиева лавра. М., 2007.

Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2003.

*Трофимов И.В.* Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры. Исследование и реставрация. М., 1961.

*Трубецкой Евгений*, князь. Три очерка о русской иконе. М., 2003.

*Урусова Н.В.* Материнский плач Святой Руси. М., 2006.

**Илл. см. в мультимедийном издании.**